

справедливой представляется высказанная Х. Ловмянским и развитая авторами послесловия мысль о том, что периодизацию русско-скандинавских отношений надо проводить с точки зрения феодализации древнерусского и скандинавских обществ. Х. Ловмянский выделил конец X в. как рубеж, когда скандинавский элемент ассимилировался по преимуществу славянским правящим классом, а «русские князья», особенно новгородские, «охотно прибегают к помощи варяжских отрядов» (с. 229).

В свете современных данных археологии и письменных источников авторы комментария предлагают следующую периодизацию русско-скандинавских отношений в раннем средневековье. На первом этапе — до середины IX в. — эти связи развивались в условиях формирования раннесредневековых народностей в обоих регионах, образования племенных конфедераций как этнических, территориальных и политических структур и в процессе славянской колонизации финских земель, куда проникали лишь небольшие группы скандинавов. На втором этапе — вторая половина IX — первая половина X в. — в условиях ускорения феодализации восточнославянского общества норманны участвуют в социально-экономических процессах, приведших к формированию Древнерусского государства. На третьем этапе — середина — конец X в. — в условиях консолидации Древнерусского государства и дальнейшего развития государственности в Скандинавии выделяется феодализирующаяся знать, противостоящая племенной верхушке аристократии. Норманны быстро ассимилируются в славянской среде в связи с их участием в военной и политической жизни государства. На четвертом этапе — конец X — первая половина XI в. — русско-скандинавские отношения стали прежде всего межгосударственными, а роль скандинавов во внутренних социально-политических процессах Древней Руси упала (с. 242—243). Отметим, что свидетельством существования в первой половине X в. в составе формирующегося правящего класса Древнерусского государства значительных групп не полностью ассимилированных выходцев из Скандинавии является сообщение Константина Багрянородного о русских (росских, скандинавских) названиях днепровских порогов.

В целом книга Х. Ловмянского и комментарии к ее русскому переводу дают хорошее представление о современном состоянии и дальнейших путях исследования проблемы русско-скандинавских связей в раннем средневековье. В ней подчеркивается, что «не Киев обязан норманнам началом своей государственной организации, а норманны благодаря развитую государственную устроившуюся на Руси... нашли условия для участия в этом процессе» (с. 153). Х. Ловмянский, таким образом, одним из первых поставил проблему взаимодействия внутренних и внешних факторов в процессе становления государства у славянских народов. Дальнейшие исследования призваны выявить особенности этнодемографической ситуации на Руси в IX—XI вв. и формирования древнерусской народности, в которой слились помимо основного славянского также скандинавский, балтский, финский и тюркский компоненты, причем норманны выступали здесь как сила, стоящая над старыми родоплеменными объединениями.

Книга Х. Ловмянского остается одним из наиболее фундаментальных критических сводов данных по «варяжскому вопросу».

Б. В. Соколов

Der Wandel der Dörfer und Städte und die gegenseitige Beeinflussung in der Zeit nach dem Ersten Weltkrieg//Suomalais-Ugrilainen Seuran toimetuksia, № 187. Helsinki, 1985. 247 S.

Сборник «Развитие и взаимодействие культур города и деревни в период после первой мировой войны» представляет собой публикацию докладов советско-финляндского этнографического симпозиума, состоявшегося в Москве в апреле 1983 г. Проблема рассматривалась на материалах по финно-угорским и соседним народам.

Финляндские исследователи затронули одну из важных проблем формирования городской культуры в Финляндии. М. Ряснен (Ювяскюля) сформулировал ее уже в названии своей статьи: «От доиндустриального города к индустриальному. Есть ли культурная преемственность?». В старых городах Финляндии в доиндустриальный период формы культуры определялись шведским населением, занимавшим здесь господствующее положение. С конца XIX в. в связи с быстрым развитием промышленности в городах из сельской местности хлынул мощный поток финнов. Культура шведоязычного населения, оказавшегося в меньшинстве, потеряла свою главенствующую роль, а у финских переселенцев еще не сложилось собственных форм городского быта. Культурная преемственность во многих старых городах страны оказалась в этот период нарушенной.

Той же проблеме — взаимодействию образа жизни шведов и финнов в городе — посвящена статья А. М. Острем (Хельсинки) «Социальная структура и социальные контакты шведоязычного населения в малом приморском городе Каске в XX в.». До конца XIX в. в Каске жили почти исключительно финляндские шведы; значительная часть их занималась рыболовством, а также сельским хозяйством, т. е. это был «аграрный город». Приток финского населения, связанный с возникновением целлюлозной фабрики, увеличил число горожан более чем вдвое, но город остался небольшим (2 тыс. чел. на 1985 г.). Малые размеры города определяют отсутствие здесь и в наши дни «формального», «городского поведения». Языковая граница всегда разделяла шведское и финское население; она остается и сейчас ощутимой, проявляясь не только в повседневном общении, но и в общественно-политической жизни.

Этнографии русского города посвящены две статьи советских авторов М. Г. Рабинович (Москва) проанализировал взаимодействие города и деревни в их историческом развитии, подчеркивая, что большая часть материальной культуры средневекового

города была прямо перенесена из деревни и, напротив, многие явления, которые с течением времени стали рассматриваться как чисто «деревенские», имеют городское происхождение. На обширном материале автор показал, что традиционная народная культура создается в постоянном взаимодействии города и деревни.

М. Н. Шмелева (Москва) остановилась на специфике взаимодействия русского населения города и деревни в наши дни. Быстрый рост в Советском Союзе городского населения после Великой Отечественной войны происходил в основном за счет сельских мигрантов, а это привело к ощутимому росту влияния деревенской культуры на городской быт. Правда, формы деревенской культуры к этому времени уже приблизились к городским благодаря общему культурному росту и урбанизации сельского быта, а увеличение контактов деревни с городом, обусловленных миграцией, усилило этот процесс. Особое внимание автор уделит возникающим в настоящее время и в городе, и в деревне вторичным формам народных традиций, в первую очередь связанных с различной праздничной обрядностью.

Аналогичные процессы отмечены Л. С. Христолюбовой (Устинов) на удмуртском материале («Динамика взаимодействия культур города и удмуртского села»). Удмуртское городское население формируется только при Советской власти, и на первых порах переселенцы из деревни старались принять «городской облик», рассматривая народные формы быта как некую «культурную отсталость». Однако в ходе формирования национального рабочего класса и интеллигенции, развития национальной культуры отношение горожан к культурному наследию сельского населения меняется. В настоящее время у удмуртов-горожан наблюдается оживление некоторых народных традиций; формируется отношение к ним как к положительным этническим символам.

Проблеме адаптации сельских переселенцев к условиям города (на примере Таллина) посвящена статья Э. Мясак (Таллин), сопоставившей данные конца XIX — начала XX в. и 1920—1930-х гг. На первом этапе люди, переехавшие в город, сохраняли в своей материальной и духовной культуре много принесенных из деревни черт, хотя внешне стремились не отличаться от горожан-старожилов. На втором этапе переселенцы легче осваивали городской образ жизни, что объясняется прежде всего быстрой урбанизацией сельского быта в то время.

Статья М. Я. Устиновой (Москва) посвящена современному быту большого города — Риги. Автор сопоставляет в первую очередь два основных по численности национальные группы этого города — латышей и русских. Значительную часть населения Риги составляют люди, обосновавшиеся здесь в послевоенный период. Из числа обследованных подавляющая масса рижан (98,5%) хорошо адаптировалась в городе. Они считают, что языкового барьера между латышами и русскими нет. Правда, только 16% опрошенных русских знают латышский язык, однако 2/3 латышей свободно говорят по-русски. В материальной культуре (одежда, пища, обстановка квартир) преобладают однотипные формы, причем у русских можно отметить в этой сфере наличие «латышского элемента». При этом обе группы сохраняют приверженность к некоторым из этнически специфических видов пищи, традиционной цветовой гамме в одежде и интерьере, привычным декоративным элементам.

Б. Ленкивист (Хельсинки) представил краткий обзор исследований рабочего быта, проведенных в Финляндии, начиная с 1960-х гг. Изучались преимущественно фабрично-заводские поселки, где этнографам было легче, чем в условиях крупного города, обследовать рабочие коллективы предприятий. Автор подчеркнул, что к настоящему времени хорошо изучены оказались условия труда и быта, а также социальные контакты рабочих, что не исчерпывает темы. В сущности, до сих пор у финских этнографов нет четкого представления о том, что же включает в себя понятие «рабочая культура».

Статья П. Лейму (Хельсинки) рассматривает историю формирования чисто индустриального города Фореса, возникшего благодаря постройке на «пустом месте» ткацкой фабрики. Наряду с анализом развития экономики города автор специально останавливается на жилищных условиях рабочих.

А. Петерсон (Тарту) представил в своей статье подробный отчет о работе Государственного этнографического музея ЭССР по сбору материалов о быте горожан и по этнографии рабочих, проводившемуся преимущественно в небольших городах и поселках Эстонии.

Ряд статей как советских, так и финских авторов основан на материалах по сельскому быту. Так, П. Саллинен-Гимпл (Хельсинки) охарактеризовала работы по изучению быта деревни в XX в., проводившиеся университетами Турку и Хельсинки. Она обращает особое внимание на то, что многие из сельских поселений, которые в наши дни официально причисляются к деревням, в действительности не являются таковыми. Это молодые поселки, не представляющие собой в отличие от старых деревень сложившегося социального организма. Автор особо останавливается на том, что и старые деревни в разных частях страны отличались не только по внешним признакам (например, планировкой), но и по своим социальным функциям.

Р. Рясянен (Ювяскюля) кратко излагает историю небольшого местечка Хаапаниemi (муниципалитет Ювяскюля), связанного с индустриальным центром Вааякоски, в период 1914—1940 гг. Основное внимание в статье уделено положению безземельного крестьянства и рабочих. В этот период число промышленных рабочих в деревне растет, причем их семьи зачастую продолжают заниматься сельским хозяйством. К сожалению, автор нечетко рисует социальные контакты и классовые противоречия. В результате возникает картина некоего «классового содружества»: предприниматель развивает лесобработывающее предприятие, а безземельные крестьяне благодаря этому обеспечены куском хлеба. При этом кажется, что и общественные потребности, которые пережило финское общество в годы революции и гражданской войны, минуют Хаапаниemi.

В совместной статье К. Соунлинна, Ю. Сеппя и К. Синикара (Хельсинки) детально рассматриваются экономическое и социальное развитие двух деревень на севере страны; в одной из них большинство населения зажиточно и придерживается консервативных политических взглядов. Жители ее по религиозному признаку относятся к лютеранцам (одна из групп pietistov). Вторая деревня в основном бедняцкая, левая по политической ориентации (и лютеранская). Авторы детально анализируют ту ломку экономики, которая происходит (с определенными различиями в формах) в обеих деревнях в послевоенный период — крестьяне постепенно отходят от сельского труда, молодежь идет в промышленность. Изменение социально-профессиональной структуры деревень существенно трансформировало и общественный, и семейный быт. Авторы статьи ставят вопрос и о том, насколько оправдается в дальнейшем произошедшая перестройка хозяйства в условиях современной нестабильной экономической конъюнктуры.

В. Вйрес (Таллин) в статье «Воздействие индустриализации и урбанизации на культурное развитие эстонской деревни» выясняет, каким образом в конце XIX — начале XX в. капиталистические формы хозяйства в эстонской деревне содействовали восприятию городских форм культуры. Автор особо останавливается на роли различных союзов и обществ, возникающих в предреволюционный период в эстонской деревне: сельскохозяйственных, пожарных, обществ трезвости и др. Наряду с выполнением своих непосредственных практических задач они сыграли немалую роль в распространении новых форм проведения досуга: организации народных оркестров, хоров, театральных кружков и т. д., что в свою очередь способствовало ревизации некоторых элементов народной культуры: одежды, орнамента, танцев и т. д.

Статья Ю. Пеннанена (Хельсинки) посвящена путям развития в Финляндии профессионального рыболовства в XX в. Формы рыбацких артелей менялись под воздействием индустриализации, внедрения в промысел новой техники и других причин, что привело к отказу в ряде случаев от коллективных форм лова.

Т. В. Лукьянченко (Москва) коротко обрисовала развитие оленеводства у кольских саамов в годы Советской власти, особенно после коллективизации, и переход местных колхозов к комплексному хозяйству. Особое внимание автор уделил проблемам охраны окружающей среды, связанным с формами выпаса оленей, и организации труда, позволяющей сочетать оленеводство с оседлым образом жизни.

Две статьи советских ученых посвящены современной семейной обрядности: у мордвы (Т. П. Федянович, Москва) и карел (Ю. Ю. Сурхаско, Петрозаводск). Оба автора констатировали быстрое исчезновение в послереволюционный период родильной обрядности, что определялось в первую очередь ростом и совершенствованием медицинского обслуживания. В то же время в похоронных обрядах довольно устойчиво и сегодня сохраняются традиционные моменты, связанные с древнейшими культами, магическое значение которых давно забыто. В свадебной обрядности в наши дни ощутимы тенденции к фольклористическому возрождению различных театрально-игровых моментов старого свадебного цикла.

На новых полевых материалах построена статья Р. А. Григорьевой (Москва), рисующая сложную картину распространения среди чувашей двуязычия за счет освоения ими русского языка. Результаты проведенного исследования прямо связаны со многими практическими задачами: определением соотношения передач на чувашском и русском языках по радио и телевидению, учетом числа школ с начальным чувашским и русским языками обучения.

Краткое освещение содержания сборника, где опубликованы доклады советско-финляндского этнографического симпозиума, показывает, что тематика, представленная как советскими, так и финскими учеными, была весьма разнообразной, и материалы обеих сторон далеко не всегда оказывались сопоставимыми.

Разумеется, при различии социально-экономических систем СССР и Финляндии, особенностях исторического развития обеих стран и населяющих их народов, специфике национального состава, задачи, стоящие перед советскими и финляндскими этнографами, во многом отличны; возникающие проблемы часто несопоставимы и должны решаться по-разному. Это касается в определенной мере и работ о современном быте города и деревни. Естественно, у советских участников симпозиума в центре внимания оказались современные этнокультурные процессы, взаимодействие культур советских народов, их интернационализация при определенной устойчивости национальной специфики. В докладах финляндских исследователей на первый план выступила проблема адаптации сельского и городского, аграрного и промышленного населения к условиям капиталистического хозяйства. Но именно различия в аспектах исследований, а также постановка вопросов о методике сбора материалов и изучения современного быта вызвали оживленную дискуссию, а также решение о публикации докладов.

Хочется выразить финляндской стороне благодарность за быстрое осуществление этого решения. Разумеется, вызывает огорчение, что советская сторона не представила иллюстративного материала, в то время как финские статьи снабжены продуманно подобранными иллюстрациями.

Жаль, что в некоторых советских статьях библиография переведена на немецкий язык, что является не только формальным нарушением принятых норм, но и практически затрудняет поиск литературы. Режет глаз также то, что в оглавлении сборника названия эстонских городов даны в их старых немецких формах, что сейчас не принято уже и в немецком языке. Это тем более странно, что в приложенном списке участников симпозиума адреса приводятся в современной форме.

Н. В. Шлыгина